

Oнтология культуры: «ТВОРЯЩЕЕ ВОСПРИЯТИЕ» И УСЛОВИЯ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

УДК 304.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-6-16>

Е. В. Золотухина - Аболина

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена роли восприятия в создании «онтологических единиц культуры» – артефактов, субъектов и событий. Опираясь на методологический подход В. Б. Меласа, согласно которому категориальная пара «восприятие – принятие» обеспечивает в культуре конструирование «существующих», автор стремится хотя бы конспективно описать специфику восприятия, которое рассматривается как механизм, выделяющий из фона мира локальные объекты и формирующий картину реальности. В статье отмечается, что несущие в себе глубокое различие конкретно-чувственные вещи и идеи-обобщения все же воспринимаются людьми как в чем-то рядоположенные и сопоставимые, в любом случае – взаимодействующие и переходящие друг в друга. Символическое в полной мере воспринимается, а не просто понимается. Но восприятие, творя для сознания существующее в культуре, само подчиняется ряду культурных матриц: архетипам, категориям, установкам, габитусу, которые направляют восприятие, формируют направленность воспринимающего внимания. В статье выделяются такие важные моменты для восприятия чего-либо в качестве «существующего», как значимость воспринимаемого, его связь с практическими интересами людей, а также – неизбежная косвенность культурного восприятия – необходимость доверия к опыту других людей и их картине мира. Автор подчеркивает, что вопрос о культурных механизмах «онтологического творчества» высоко злободневен, ибо феномен «восприятия – принятия» активно используется в СМИ.

Ключевые слова: онтология культуры, восприятие, принятие, реальность, абстракции, образы, языки, арефлексивные матрицы.

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е. В. Онтология культуры: «творящее восприятие» и условия его реализации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 6–16. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-6-16>

ONTOLOGY OF CULTURE: “CREATIVE PERCEPTION” AND CONDITIONS FOR ITS IMPLEMENTATION

ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА ЕЛЕНА ВСЕВОЛОДОВНА – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет

ZOLOTUKHINA-ABOLINA ELENA VSEVOLODOVNA – DSc in Philosophy, Professor, South Federal University

© Золотухина-Аболина Е. В., 2023

Elena V. Zolotukhina - Abolina

South Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the role of perception in the creation of “ontological units of culture – artifacts, subjects and events. Relying on the methodological approach of V.B.Melas, according to which the categorical pair “perception – acceptance” provides the construction of “existing” in culture, the author seeks to at least concisely describe the specifics of perception, which is considered as a mechanism that distinguishes local objects from the background of the world and forms a picture of reality. The article notes that, bearing a deep difference in themselves, concretely sensual and things and ideas-generalizations are still perceived by people as somewhat similar and comparable, in any case interacting and passing into each other. The symbolic is fully perceived, not just understood. But perception, creating for consciousness what exists in culture, itself obeys a number of cultural matrices: archetypes, categories, attitudes, habitus, which direct perception, form the direction of the perceiving attention. The article highlights such important points for the perception of something as “existing” as the significance of the perceived, its connection with the practical interests of people, as well as the inevitable indirection of cultural perception – the need to trust the experience of other people and their picture of the world. The author emphasizes that the question of the cultural mechanisms of “ontological creativity” is highly topical, because the phenomenon of “perception – acceptance” is actively used in the media.

Keywords: ontology of culture, perception, acceptance, reality, abstractions, images, language, areflexive matrices.

For citation: Zolotukhina-Abolina E. V. Ontology of culture: “creative perception” and conditions for its implementation. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 6–16. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-6-16>

В этой статье я продолжаю тему, уже начатую в предыдущей статье [3], – тему «онтологии культуры», т. е. того, что, как и почему *полагается существующим*. На этом пути мы находим и противоречия, и парадоксы, и странности, которых не замечаем в повседневной жизни. В своем анализе я опираюсь на подход В. Б. Меласа, предлагающего понятийную пару «восприятие – принятие» в качестве инструмента для анализа темы. Он пишет: «Восприятие и принятие образуют пару дополнительных философских категорий, которые подразумевают друг друга. Нельзя принимать, не воспринимая и невозможно воспринять, не принимая» [9, с. 62]. Я воспользуюсь этим методологическим ходом; и если предыдущая статья концентрировала внимание читателя на теме *принятия*, то эта посвящена *восприятию*.

В «Новой философской энциклопедии» восприятие определяется как «чувственное познание (субъективно представляющееся непосредственным) предметов (физических

вещей, живых существ, людей) и объективных ситуаций (взаимоотношения предметов, движений, событий). Для восприятия характерно специфическое переживание прямого контакта с реальным миром (чувство реальности воспринимаемого) [6, с. 443]. Как не вспомнить бытующую в пересказах идею Дж. Беркли – «существовать – значит быть воспринимаемым»? Беркли занимали несколько иные проблемы, чем мы рассматриваем здесь, но так или иначе существование для человека внешних предметов всегда тесно связано с их *восприятием* – целостным впечатлением, которое формируется в нашем внутреннем мире благодаря сигналам органов чувств. В сущности, мы вправе говорить и о восприятии того, что дано нам в личном воспоминании или фантазии, но в данной статье мы не будем касаться блужданий сознания внутри круга различных идеальных образов. Это отдельная большая тема. Сосредоточимся на вопросе о том, как система культуры определяет,

что для нас существует, а что не существует *во внешнем мире*, как естественно-природные явления и артефакты проходят через *культурный фильтр*, который сепарирует их, либо включая в «систему вещей», либо отвергая. И если в прошлой статье мы говорили о необходимости *принятия* в качестве реальных индивидов и артефактов, то здесь мы поднимаемся к (более) исходной позиции. Чтобы нечто было *принято*, оно должно быть сначала *воспринято*, а уж потом его существование может быть подтверждено либо отвергнуто, принято или перечеркнуто. Итак, наша задача хотя бы кратко указать на те культурные условия и рамки, которые делают для нас вещи, субъектов и события *существующими* – дают им возможность быть *замеченными (воспринятыми)* в качестве *наличных*. Лишь потом они могут быть поддержаны нашим принятием и сохраняться – как наличные и «те же самые» – даже при своих трансформациях.

Вещи, бытие и абстракции

Вновь подчеркнем, что в нашем разговоре мы обращаемся к повседневности, в рамках которой и существует сфера культуры со всеми своими этажами высокой духовности. То есть мы говорим об эмпирическом мире, об «области сущего», если выражаться языком М. Хайдеггера, а, значит – о существовании, а не о бытии. Вполне можно согласиться с мнением А. С. Чупрова: «Бытие противостоит не мышлению, а существованию, которое дано нам двояко: 1) в ощущениях внешнего человеку мира; 2) в переживаниях человеком самого себя. В понимании сущего любой философ, к какому бы он направлению ни принадлежал, всегда отталкивается от личного опыта восприятия, переживания и осмысливания мира» [13]. Бытие же – философская категория, о нем по сути нечего сказать, ибо оно – за пределами любых дифференциаций. Поэтому о нем невозможно отзываться как о вещи или субъекте: невозможно воспринимать в обычном смысле слова и утверждать «существование бытия». Существование относится к отдельностям, единичностям, чув-

ственno данным моментам мира. Впрочем, стоит отметить, что нам не удастся полностью избежать разговора о бытии. Являясь философской абстракцией, оно все же дано в могучих переживаниях, выходящих нередко за рамки эмпирии, и тогда его реальность превосходит «существование сущих».

Акцентируя особенности живущего в культуре человека, мы тотчас же сталкиваемся с «существованием абстрактных вещей», которые и есть, и нет, и чувственны, и нечувственны. Это общие понятия, внешне выраженные в словах языка и символах. И как не вспомнить здесь бесконечные средневековые споры номинализма и реализма! Мы очень мало знаем о способностях животных к абстрагированию, можно лишь сказать, что она несравненно ниже, чем у людей. Животным свойственно реагировать на мир непосредственно, конкретно-чувственно, согласно инстинкту и той или иной форме рефлекса. Поэтому для животных в абсолютном большинстве существует лишь единичное, «это», «здесь и сейчас». У людей же, развивших в рамках культуры рефлексию и приобретших язык, возносящий нас над конкретной фактологией, существование представлено как в конкретных вещах и существах, так и в *общицениях*, которые тоже есть, имеют место как некие ментальные единицы. Никто не видел «человека вообще», «страну вообще», «отношение вообще». Но все они существуют, и мы успешно оперируем этими понятиями каждый день. Культура, благодаря развитию ментального уровня, предоставила нам возможность видеть в совершенно конкретных мужчинах и женщинах, стариках и детях «человека как такового», а, говоря о человеке, иметь в виду конкретную Машу или определенного Васю. Мы привыкли и не обращаем на это внимания, просто pragmatically пользуемся общепринятыми словами и понятиями как орудиями. И мы их не просто понимаем (считываем смысл), а именно *воспринимаем*, создавая не всегда вполне осознаваемые, но цельные образы, и, к примеру, образ человека как существующего не сливаются у нас

с образом животного, а только по-разному конкретизируется у разных людей. Об этом, кстати, недвусмысленно свидетельствует феномен разного рода легко читаемых пиктограмм, визуальных образов-символов, существующих с древности и до сегодняшнего дня. Об этом свидетельствует опыт художественной литературы, когда из слов (абстракций) вылепливается полноценное переживание жизни. Восприняв слово «человек» (и любое другое), мы автоматически *притисываем его «означаемому» статус существования*, потому что если ничего нет, то и говорить об этом нечего. А дальше наше воображение дорисовывает воспринимаемые детали. Так герой литературного произведения каждый читатель воспринимает по-своему, а экранизации с их чувственной конкретикой даже отвергаются. О вполне чувственном восприятии символического немало писал Э. Кассирер [5].

Таким образом, культура с ее сознанием и языком создает систему постоянного взаимодействия «чувственно существующих» и «абстрактно существующих» агентов, которые взаимодействуют, переплетаются и перетекают друг в друга. И своим восприятием мы полагаем существование и того, и другого, и их переходов. К примеру, изучив чертежи и описания, можно построить вполне конкретно-чувственный дом, а погуляв в лесу, полном запахов, ощущений и вкусов, написать о нем поэму – словами. И деревья, и цветы, и кирпичи существуют как конкретные единичности, хотя, возможно, и обладающие типическими чертами, и они для нас *реальны*. Но и слова, и пиктограммы, и другие символы обобщающего характера тоже существуют, тоже *реальны*, и тоже *воспринимаются*, с одной стороны, направляя нас к своему абстрактному, идеальному, хотя и образному, а с другой – неся на себе неизбежные черты чувственности: «На «духе» с самого начала лежит проклятие – быть «отягощенным» материй» [8, с. 20]. Воспринимая слова в полноте их внешней формы и содержания, несущего общее и отсылающего к конкретному, мы вписываем их в богатство мирового суще-

ствования. И если вспомнить «слова и вещи» М. Фуко, то хочется сказать, что в плане существования они – слова и вещи – в определенном отношении *рядоположены*, хотя не тождественны и не слиты. Культура обогащает мир чувственных предметов сферой понятий и слов, дополняющих мозаику реальности.

В сознании людей, агентов культуры, слово, выступая не только существующим, но и влиятельным, само может *полагать существование*. Конечно, это слово Бога. «1. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. 2. Оно было в начале у Бога. 3. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. 4. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» [1, с. 100]. То есть, Слово – само творец любого существования, его исток. Как ни относиться к христианской вере, это указывает на чрезвычайно высокий экзистенциальный статус слова, которое может быть синонимом Создателя. Восприятие и слово здесь меняются местами, и именно Слово дает нам возможность и существовать, и воспринимать.

Существующее как результат восприятия, формируемого культурой

Для человека всегда существует, прежде всего, то, на что направлено его активное восприятие. Таким восприятием, а именно – вниманием, конечно, обладают и животные: кошка сосредоточенно караулит мышь, собака неотступно идет вслед за запахом, птицы выбирают дорогу, сконцентрировавшись на неких вообще не известных человеку факторах. Но в том то, *как* мы знаем, и состоит особенность людей; сфера их возможного внимания потенциально безгранично расширяется, направляя человеческий взгляд на те области (в частности, прошлое и будущее), которые для животных не существуют. Наше восприятие вырывается за рамки инстинктивного и природного. Человек, живущий в конкретной культуре, творит свой жизненный мир *направленным восприятием, принимающим форму внимания*, заостренным, целеустремленным, выделяющим «фигуру на фоне»

окружающей чувственной реальности. Что активно восприняли, то и создали *как наличие*, а уж потом признали, утвердили и вновь воспроизвели в качестве существующего – как объективного, так и субъективного. То есть (и здесь стоит вспомнить о конструктивизме XX века) человек является творцом своей реальности и постоянно создает и пересоздает ее, и здесь, как мы уже отметили, отнюдь не последним фактором является слово, а также – все знаково-символические системы, удваивающие область онтологически наличного.

Ряд лет назад я уже занималась проблемой внимания, правда, не расширяя его тогда до целостного восприятия, а, скорее, рассматривая его как узко направленный луч. Но любое внимание – это всегда одновременно целостное, чувственное восприятие, концентрированное, вырывающее предмет интереса из окружающего фона, созидающее его и в общем, и в деталях. Восприятие-внимание *активно онтологизирует свой предмет*, утверждает его бытие, *как бы лепит, конструирует реальность*, награждая ее все более частными подробностями и резко отделяя от «задника», из которого выступает воспринимаемое. Созданные восприятием объекты внимания фиксируются как жизненные и культурные факты: это – есть! Ранее я выделяла такие пространственные характеристики, созидаемые вниманием [4], как «локальное – универсальное», «центр – периферия», «сакральное – профанное», «внешнее – внутреннее». И если некое ощущение «центральности» и «периферийности» есть и у животных, то три другие «онтологические характеристики» возможны только в условиях культуры и наличия сознания. Так, у животных внешнее и внутреннее столь тесно слиты, что представляют единый синкетический комплекс. Интересно, что в XX веке не только мистики, но и философы активно призывали европейского человека вернуться к «изначальному», то есть к слитности, к «бытию-в-мире», где внешнее и внутреннее онтологически не различимы. Но, конечно,

не вполне преуспели, потому что онтологическую границу, которая образовалась в ходе развития цивилизованности, невозможно совершенно устраниТЬ. Наверное, к счастью. Для нас есть в качестве наличествующего, бытийно данного наш внутренний мир, полный впечатлений и переживаний, и он не только очевиден и действителен, но и ценен. И, взаимодействуя с внешней эмпирией, он всегда отличается от нее.

Утверждение в культуре центра и периферии в качестве реальных, восприятие одних мест как «столиц», а других – как провинции и «захолустья», переживание неких «центров силы» (экономический, политической, культурной) как значимых и практически влиятельных создает в обществе многоплановый и подвижный онтологический рисунок, прямо влияющий на жизнь. О центре и периферии пишут книги, их исследуют [2] как социокультурную реалию. Объективные процессы социальной динамики воспринимаются нами, а восприятие творит «особые миры» – притягательные и отталкивающие, ассоциирующиеся с бурной жизнью или покоем.

Области сакрального, противостоящие повседневности, на протяжении тысячелетий человеческой истории рассматривались как не только онтологически реальные, но и как фундирующие весь эмпирический мир. Их чувственно-ментальный образ творился и восприятием мистиков, и переживаниями верующих, отправляющих обряды и ритуалы, прикасавшихся к «онтологии небес» через вполне ощутимую и материально представленную традицию – молитву, крестный ход, через вино, хлеб, следование обычая. Примечательно, что для людей иной культуры или для неверующих, чье восприятие не направлено на сакральный смысл объективно существующих предметов, «онтология священного» не существует или исчезает, ничего не значит. Для них остаются «просто вещи».

«Творящее восприятие» и «онтологизирующее внимание» актуализируются в связи с потребностями и интересами человека. Как прирожденные конструктивисты мы со-

зидаем объекты своей интенциональности в качестве существующих. Довольно старым и все же показательным является пример того, что эскимос различает множество оттенков снега, и каждый вид снега имеет у него свое название, в то время как средний европеец видит только белизну и называет все одним словом «снег». Дело в том, что снег очень важен для жителей холодных краев, и его оттенки, консистенция, текстура приобретают облик «отдельного объекта внимания», рождая вместо «одного снега» – «много снегов». Кстати, это касается любой профессиональной деятельности: каждый профессионал, понимающий свою работу и ее интересы – собственные или клиента – которые он должен реализовать, знает термины и видит в качестве отдельных предметов и состояний множество деталей и обстоятельств, которые вообще не существуют для «человека с улицы». Его «фактическая онтология» гораздо богаче. Так, восприятие, подхлестываемое желанием и интересом, становится в культуре demiургом.

Арефлексивные культурные матрицы для «творящего восприятия»

Наше восприятие, отмечающее нечто как реально существующее, направляется многими культурными формами (во многих случаях неосознаваемыми), быть может, не столько бессознательными, сколько арефлексивными. Это нечто вроде *матриц*, по которым отличается и восприятие, и принятие. Во-первых, это архетипы, описанные К.-Г.Юнгом и представляющие собой, несомненно, не просто природные, но в огромной степени социокультурные установки. Если архетипические образы Отца и Матери в немалой степени имеют естественные корни, то представления о Персоне, Тени или Самости, конечно, выражают результат социокультурного процесса, пусть даже, условно говоря, «закодированный в мозге» – ведь это мозг человека. То же относится к представлениям о Рае, Старом Мудреце, Трикстере. Полагание тех или иных явлений как наличных и значимых направляется

архетипами, и мы различаем в мире некие устойчивые паттерны, которые нам не «кажутся», а вполне определенно бытийствуют. Так, все мифы мира говорят нам о наличии Рая, не только как переживаемого и воображеного, но также важного и ценного состояния. И везде под влиянием архетипа Рай предстает не как жалкая иллюзия, а как пласт бытия, причем высшего. Резюмируя, можно сказать: внутри культуры «Рай есть» и как ценность, и как цель, и как высшее состояние. Мужское и женское начало в различных модификациях тоже всегда весьма взаимно различаются, хотя они и скрыто содержат друг друга в качестве противоположностей. Психофизический и культурный пол, имея глубокие корни, является для человека неустранимым фактом, постоянно воспроизводится как существующий даже в гомосексуальных парах, гештальт «женского» и «мужского» сохраняется при всех сознательных попытках его уничтожить: он постоянно творится.

Кроме архетипики культуры, мы можем говорить о фреймах (И. Гофман), габитусе (П. Бурдье), о тезаурусе, интровертированном понятийно-категориальном аппарате, о совокупности ценностных установок и представлений о «возможном» и «невозможном». Все это – так называемые «*когнитивные структуры схематизации опыта*», которые имеют свою выраженную онтологическую сторону. В нашем контексте – это фильтры восприятия, позволяющие *одним вещам быть, а другим не быть* для нашего сознания. Габитус, совокупность социальных убеждений, установок и привычек определяет, что для человека существует, например, в большом городе. Один знает только пивные, кабаки и места «выяснения отношений», а музеи и театры для него и вовсе не существуют, а другой – ровным счетом наоборот. Для одних «онтология города» – это конгломерат магазинов, где можно найти много товаров, а для других – роскошь библиотек, где наличествуют как старые фолианты, так и новые компьютерные хранилища знаний. Кстати сказать, поскольку ландшафты поселений меняются

(возникают мегаполисы, исчезают сельские пейзажи), то любой человек может заметить, что круг его восприятия достаточно ограничен и для него «существует» (актуально воспринимается как наличный) лишь небольшой ареал известных мест, где он бывает *лично*. Остальное – только значки на карте города. И это зависит, как мы уже заметили, от «габитуса» – рода занятий, особенностей индивидуальной истории, образованности, круга интересов и т. д.

Далее: понятийно-категориальная сетка, присущая конкретной культуре, полагает для нас ряд квалификационных характеристик мира в качестве воспринимаемых «сущностей» (отдельных реалий). Так, для современных людей, озабоченных количеством и скоростью, вполне объективными видятся часы и минуты, километры и килограммы, хотя это на самом деле – не более чем различные меры, то есть конкретизированные отношения, успешно *реифицированные* в нашем восприятии. И всякий раз надо делать усилие, чтобы вспомнить, что это не вещи и не онтологические факты, а только результат сравнения и оценки, функционирующий в данной культуре: могут же быть не километры, а мили! Кроме того, в былые эпохи никто не воспринимал в качестве реалии такой феномен как «две минуты опоздания» и не соотносился с подобными факторами, потому что люди назначали встречу, «когда солнце встанет», что является несколько неопределенным процессом. Точно так же мы воспринимаем как существующие и испытываем по отношению к ним сильные эмоции такие явления, как товар, капитал, финансы, хотя «воспринять» их в подлинном смысле нельзя и невозможно утверждать, что они существуют подобно предметам и существам. Эта ситуация была описана К. Марксом в «Капитале» и интересно проанализирована М. К. Мамардашвили в его работе «Превращенные формы. Необходимость иррациональных выражений» [7]. Хотя здесь примечательным и недостаточно раскрытым выступает вопрос о том, каков вообще способ существования *отношений*. От-

ношения, несомненно, нами воспринимаются переживаются, но способ их существования иной, чем бытийствование вещей и существ.

Культура регулирует наше восприятие и определяет спектр существующего, благодаря совокупности установок и убеждений. Если в социуме укоренились представления о том, что «нечто невозможно», то факты, соответствующие «возможному», будут достаточно долго просто не замечаться, не приниматься во внимание, отторгаться как *не существующие*. Они будут считаться ложью и выдумкой – то есть, не обретать онтологического статуса *реальных*. В крайнем случае, они будут прочитываться как исключение из правила, кунштюк, и в этом смысле не значимые для действительной практической жизни. Но если постепенно вводить новую информацию, квалифицируя ее как «нормальную» и реалистическую, то шаг за шагом она принимается как действительная и допустимая (модное нынче «Окно Овертона»). Приведем пример, случайно найденный мной в Интернете: «В 2011 году американский христианский активист Джо Картер опубликовал статью «Как уничтожить культуру за 5 простых шагов». Он предложил следующее: найти маргинальную группу людей, для которой внедряемая идея покажется нормальной. Так из немыслимой она превращается в радикальную. Сделать радикальное приемлемым. Для этого нужно сменить термины, например, назвать каннибализм «антропофагией». Приемлемое сделать разумным. Например, найти объяснение, почему каннибализм – это нормально, так поступали наши предки: каннибализм распространен среди животных, это заложено природой и т. д. Сделать идею популярной: рассказать, что некоторые из великих людей были каннибалами. Закрепить новую норму в законе» [11]. Интересно, что автор цитируемой статьи, имя которого не названо, не согласен с Джо Картером. Он считает, что «сначала меняется норма, а потом начинается общественное обсуждение» [11]. Но в том-то и дело, что *норма меняется не сама!* На примере легализации трансгендерности мы видим, что норма мо-

жет в ситуации культурного кризиса *активно насаждаться*, пропагандироваться и вменяться: то, что было немыслимо, дико и смешно, что считалось несуществующим и невозможным, становится полнейшей *реальностью*. Новое явление приобретает не только онтологический статус, но и оказывается «ведущим трендом», начинает служить инструкцией для поведения. Описанная в тексте 2011 года вымышленная ситуация – господство идей маргинальной группы, в данном случае группы с половыми отклонениями, стала в наши дни настойчиво внедряться в США и Европе в качестве государственной политики. Установки и стиль жизни маргиналов, будучи подпитаны большими деньгами, создают *новую угрожающую реальность*, которая, в свою очередь, многообразием культурных средств формирует восприятие новых поколений.

Восприятие существующего: значимость, действенность, достоверность

В предыдущей, отмеченной выше статье я уже высказывала мысль, что в культуре существование глубоко связано с той *значимостью*, которую нечто имеет для конкретных лиц, групп и общества в целом. Наше восприятие фиксирует, прежде всего, существование того, что для нас *важно*, а менее значимое, второстепенное оказывается фоном, не попадает в фокус внимания. Поэтому оно или не существует для нас вовсе или существует как маргиналия – «по краям». Однако значимое, замечаемое и принимаемое нами не является сплошным массивом. Оно обладает собственной *иерархией*, которая всегда выражена в пирамидальном строении ценностей, присущих культуре, и эта пирамида, имеющая свои по-разному воспринимаемые ступени, переживается как особый вид реальности. Низшее в ней (менее значимое) это то, чем жертвуют ради высшего, от чего можно и следует отказаться в ситуации социокультурного вызова. Это низшее (хотя вовсе не «плохое») как бы менее реально, менее бытийно, оно вторично. Восприятие «самого ценного» таково, что оно обладает для нас более фундамен-

тальным бытием, чем все его производные, оно крепче онтологически укоренено: «Прежде думай о Родине, а потом о себе». Во время войн и катастроф люди жертвуют и удобствами, и здоровьем, и собственной жизнью ради того, что для них наиболее онтологически фундаментально и на чем, согласно их убеждениям, держится мир. Хорошее онтологическое понимание ценности дает А. Менегетти: «Ценность – что это такое? «То, что делает нечто большим». В каком смысле «большим»? То, что вносит больше бытия – любая феноменология, осуществляющая, в конечном итоге, большее онтическое инвестирование: делает большим (неважно, идет ли речь о деньгах, чувствах, политических связях и т. д.). Здоровье, красота, ум обретают свое качество дара лишь тогда, когда ведут к полноте бытия» [10, с. 116]. Для религиозных авторов является аксиомой, что Бог есть Благо и есть Бытие. *Ценность веры* как раз и состоит в восприятии посредством нее самого Бога-Бытия, а не только отдельных вещей, единичных существ, то есть онтологически главного. И, согласно убеждению религиозных философов, «сама «иерархия ценностей» есть нечто абсолютно неизменное, в то время как «правила предпочтения», возникающие в истории, принципиально вариабельны» [14, с. 306].

Для человека же чисто светского восприятие и искреннее переживание высших социокультурных ценностей тоже ассоциируется с реальной онтологической базой повседневного существования. Это образ жизни, стиль жизни, хозяйствственный и бытовой уклад, это те формы, в которых уже по факту осуществляется экономическая, политическая и юридическая справедливость, то есть то «более широкое» и «более глубокое», чем *индивиду*; *начало*, с чем эти индивиды себя идентифицируют. И если эта «бытийная основа» индивидуального существования начинает восприниматься как ложная, фальшивая и имитативная, то нередко возникает тяжелый личностный кризис, потеря почвы под ногами. Но личное существование без той или иной «ценностно-онтологической

базы» является пустой маятой. Критикуя экзистенциализм XX века за отчаяние и уныние, П. Тиллих справедливо говорит, что «мужество быть собой» (воспринимать лишь себя как реальную онтологическую единицу, да к тому же обладающую полнотой свободы) имеет свои зримые пределы: «Человек может утверждать себя лишь в том случае, если он утверждает не пустой сосуд, не чистую возможность, а структуру бытия, внутри которого он располагается еще до действия или не действия» [12, с. 107].

Оттолкнувшись от цитаты Тиллиха, обратим внимание на еще один аспект восприятия «как творца существования», это как раз аспект деятельности. Культура – это формы и способы действия, это вся совокупность созданных деятельностью артефактов, и наиболее реальными являются для нас те из них, которые *проваоцируют наше активное поведение*, являются мотиваторами поступков. Что-либо прекрасное и, возможно, некогда интересное выпадает за пределы человеческого восприятия, если оно теряет связь с любыми видами практической жизни. Так порой уходят в прошлое и теряются целые культурные пласти, оставаясь уделом узких специалистов: область их существования сужается, онтологический статус теряется. Это можно сказать, например, о древних языках, греческом и латыни, которые в свое время воспринимались как фундамент гуманитарного образования, высоко ценились и активно использовались в сфере теории. Но технико-технологическое развитие изменило предметы научного разговора, в международной практике возобладал на настоящем этапе английский; греческий и латынь удалили из программ обучения, и их существование как важной составной гуманитарной культуры оказалось под вопросом. В обществе существует, функционирует и развивается то, что воспринимается и принимается как *актуальное, злободневное*, что включает людей в активное взаимодействие с природой и друг с другом. И такого рода «восприятие-внимание» отчасти скла-

дается стихийно, а отчасти может быть сознательно направленным. Так в настоящий момент для молодых поколений начинает вновь возникать история и культура Советского Союза, которая на тридцать лет была вычеркнута из разряда «существующих и значимых», вычеркнута не самой историей, а волей политиков и экономистов. Восприятие-внимание реконструирует и обновляет свой предмет, сообщая ему бытийный статус.

Третий момент, на который хотелось бы в данном случае указать, это восприятие *в качестве существующего* того, что мы знаем или полагаем *с достоверностью*. Принято, учтено и включено в нашу картину мира может только то, что воспринято очевидно и непосредственно, удостоверено нашими органами чувств, да еще подтверждено восприятием других людей. В отличие от гуссерлевской «внутренней очевидности» восприятие внешнего не может базироваться только на внутренней интенциональности, оно должно быть *подтверждено другими*. Впрочем, здесь есть и обратная сторона медали: другие могут *обманывать*, фальшивить, ошибаться и намеренно нас дезинформировать. А ведь если взглянуть попристальней, то совершенно ясно становится то, что лишь малую часть наших впечатлений и представлений о действительности, о том, что есть и чего нет, мы получаем непосредственно, львиная доля представлений о реальном положении дел приходит к любому человеку *из вторых рук*. Восприятие чего-либо как существующего, реального формируется не только личным столкновением с реальностью (иногда в прямом смысле – лбом об стену), но и воспитанием, картиной мира, транслируемой через обучение, сложившимися обыденными и научными представлениями. Мы знаем, что есть другие города и другие страны, другие народы, другие планеты, хотя лично никогда с ними не соприкасались.

Принятое нами представление о реальности формируется *косвенными данными*, построенными *на доверии к другим людям*.

Наше восприятие и принятие многих вещей как существующих и действительных – следствие чужого опыта и чужой интерпретации. Разумеется, здесь работает правило «доверяй, но проверяй», хотя всего лично проверить невозможно. Поэтому время от времени мы испытываем некий культурно-онтологический кризис», когда были уверены, что нечто «есть» или «было», а оказывается, что этого и не было, и не существует. Или это вообще является собой нечто иное, и надо не только иначе это воспринимать, но и подбирать другие слова и менять присвоенные явлению имена. Опыт специальной военной операции последних двух лет, столкновение России с коллективным Западом и сопровождающая эти события информационная война показали, что существование чего либо – факта, события, существования человека, положения дел – очень часто неопределенно и ставится под вопрос. Не менее часто действительная, объективно наличная ситуация искажается и подвергается «выворачиванию наизнанку». Проблема фейка и «анти-фейка» – это вопрос о том, что реально существует (происходит), а что оказывается заведомой выдумкой, операцией по дезориентации населения и способом создать выгодное общественное мнение. Так, казалось бы, абстрактная проблема «существования» становится сверхактуальной в политическом, экономическом и психологическом отношении, в конечном счете – в отношении экзистенциальном: быть нам или не быть?

Таким образом, реальность культуры складывается из ряда взаимодействующих моментов. В ней, прежде всего, выделяются нашим восприятием значимые «единицы», которые оказываются *разнородны по своим онтологическим свойствам*: это как конкретно-чувственные единичные агенты, так и знаково-оформленные обобщения – образы и понятия нашего внутреннего мира, получившие формы внешней выразительности. Они в полной мере обладают бытием, существуют и вовсе не «эфемерны». «Идеальные составные» не просто «умственно» по-

нимаются, но полноценно воспринимаются, порождая образы и смыслы, близкие к тем, что возникают в результате собственно чувственного восприятия. Хотя отличия, конечно, присутствуют.

Человеческое восприятие, направленное на мир, реализует себя в виде внимания, имеющего конструктивистский характер и созидающего множество онтологических единиц – объектов и других субъектов.

Восприятие как «внешних», так и «внутренних» образно-смысловых факторов направляется рядом *культурных механизмов*, которые можно назвать когнитивными структурами схематизации опыта. Это архетипы, понятийно-категориальный аппарат, габитус, установки и убеждения, действующие в большой степени бессознательно. Нечто вообще воспринимается и, стало быть, принимается *как существующее*, только если позволяет эта сеть, которая пропускает или не пропускает к сознанию (вспомним З. Фрейда!) факт существования определенных явлений, событий, сюжетов. Там, где наши убеждения и установки, наш тезаурус «не позволяют» воспринимать нечто как реально существующее, мы в упор его не увидим, не зафиксируем бытия этого явления. Соответственно мы его не примем как реальный факт, не подтвердим для себя его бытие. Поэтому некоторые обстоятельства и события культурной жизни долго могут быть «невидимками», пока не изменится под влиянием внешних и внутренних перемен «пропускная сеть», позволяющая воспринять и удостоверить факт существования. Этим активно пользуются современные СМИ для воздействия на массовое сознание.

Чтобы явление культуры было нами полноценно воспринято в качестве существующего, оно должно быть *значимым*, а также *связанным с практическим применением*, определенным образом побуждать людей к взаимодействию и к действию. Все невостребованное как бы теряет онтологический статус, неинтересное перестает существовать и в лучшем случае оседает до своей реактуализации на задворках культуры.

Наконец, наше восприятие чего-либо как существующего, требуя конкретно-чувственной достоверности, тем не менее вынуждено удовлетворяться многоплановыми опосредованиями. Косвенность и восприятия

и принятия – закон культурной жизни, благодаря которому для человека открывается не только узкое поле его непосредственного чувственного контакта с миром, но вся вселенная.

Список литературы

1. Библия. Евангелие от Иоанна Глава 1. 1–4 // Библия, Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета Москва: Издание Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов 1968. Новый Завет. 292 с.
2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 248 с.
3. Золотухина-Аболина Е. В. Онтологический парадокс культуры: виды проявления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2023, 2 (112) С. 14–23.
4. Золотухина-Аболина Е. В. Внимание: сотворение пространства // Научная мысль Кавказа № 4. 2013. С. 135–142.
5. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке Москва: Гардарика, 1998. 784 с.
6. Лекторский В. А. Восприятие // Новая философская энциклопедия Т. 1. Москва, 2000. С. 443–448.
7. Мамардашвили М. К. «Превращенные формы. Необходимость иррациональных выражений» [Электронный ресурс] URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1688221921&tld=ru&lang=ru&name=08%20Превращенные%20формы.pdf&text=превращенная%20форма%20деятельности%20мамардашвили%20>
8. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 3. С. 7–544.
9. Мелас В. Б. Проблема существования и принцип дополнительности философских категорий // Логико-философские штудии. Том 17 (№ 1), 2019. С. 62–72.
10. Менегетти А. Психология лидера. Москва: ННБФ «Онтопсихология» 2002. 208 с.
11. Почему окно Овертона – это миф? [Электронный ресурс] URL: <https://artforintrovert.ru/tpost/yrp0tib5b1-pochemu-okno-overtona-eto-mif>
12. Тиллих П. Мужество быть // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. Москва: Юрист, 1995. С. 7–131.
13. Чупров А. С. Фундаментальность проблемы бытия и существования в перспективе истории философии // Электронный журнал «Топос» 19.03.2021: URL: <https://www.topos.ru/autor/aleksandr-chuprov>
14. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения. Москва: Гнозис, 1994. 490 с.

*

Поступила в редакцию 25.06.2023